

Ю. К. ВОРОБЬЕВ   И. В. СЕДИНА

**ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИЕ
ЯЗЫКИ
В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ
XVIII века**

Ю. К. ВОРОБЬЕВ, И. В. СЕДИНА

**ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИЕ
ЯЗЫКИ
В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ
XVIII ВЕКА**

САРАНСК
ИЗДАТЕЛЬСТВО МОРДОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2007

УДК 811:008(470)
ББК Ч11
В751

Рецензенты:

кафедра теории и практики перевода Ставропольского государственного
университета (заведующий — доктор филологических наук
профессор *С. В. Серебрякова*);
доктор филологических наук профессор *С. И. Дубинин*

На обложке использованы картины
«Российского Царственного Дома» (1893—1898 гг.)
и художника А. Кившенко «Екатерина II в кабинете Ломоносова,
первого русского поэта и ученого» (1764)

Воробьев Ю. К.

В751   Западноевропейские языки в русской культуре
XVIII века / Ю. К. Воробьев, И. В. Седина. — Саранск :
Изд-во Мордов. ун-та, 2007. — 232 с.
ISBN 978-5-7103-1596-5

В монографии впервые на материале западноевропейских языков задается оригинальная норма культурологического (семиотического) описания языковых и внеязыковых фактов отечественной культуры XVIII века. Предметом описания являются западноевропейские языки, внесшие колоссальный вклад в становление самых разных форм светской жизни России, в формирование у россиян европейского менталитета. Авторами привлечен широкий круг источников, позволивший представить читателю семиотическую картину бытования западноевропейских языков.

Предназначено для филологов, культурологов, историков и специалистов в области истории русской культуры.

УДК 811:008(470)
ББК Ч11

ISBN 978-5-7103-1596-5

© Воробьев Ю. К., Седина И. В., 2007
© Оформление. Издательство
Мордовского университета, 2007

Введение

Необычайное расширение функций иностранных языков в современной России, значительное количество сфер их использования демонстрируют нам социокультурную и политическую актуальность вопроса использования иностранных языков, их роль и место в русскоязычной культуре. Именно благодаря активному использованию иностранных языков программы делового, научного и культурно-образовательного обмена существенным образом влияют и видоизменяют структуру речевых отношений в разных сферах общения и стиль жизни. Изменение стиля жизни Ю. В. Рождественский назвал «поновлением общественной жизни» [204, с. 14]. «Всякое поновление, для того чтобы быть правильным и грамотным, стремится отыскать себе прецедент в прошлом, либо в виде сформулированных правил, либо в виде уникальных фактов. Поэтому всякое новое движение стиля требует опоры на прошлое» [там же]. Это значит, что в нашей истории желательно найти те факты культуры, которые могут объяснить и обосновать новый стиль жизни.

Значительная роль в меняющейся системе речевых отношений принадлежит в первую очередь западноевропейским языкам, поэтому представляется чрезвычайно актуальным рассмотреть некоторые вопросы языковой политики России в ретроспективном аспекте. В своем «Наказе» (1766 год) Екатерина II заявила, что Россия есть европейская держава. Эти слова подвели определенный итог в решении великой культурно-исторической и социально-политической задачи, которую пытались решать еще предшественники Петра I.

Причины западной ориентации России четко сформулировал В. Кантор: «Россия через Запад тянулась к своим первоисточкам, ведь начало нынешней и восточной и западной Европы коренится в одном событии — в принятии христианства. И, разумеется, духовное родство России с Западной Европой, несмотря на отличие православия от католицизма и их вражду, было все же ближе, чем с мусульманским Востоком, с которым нас связала история. Тяга к Европе — это тяга к восстановлению разорванного когда-то сложными геополитическими противоречиями

и варварскими нашествиями единства европейской культуры» [160, с. 10]. Именно эту культурологическую установку мы и принимаем во внимание в обосновании предлагаемой темы исследования.

Потребность использовать опыт других европейских стран была вызвана всем ходом культурно-исторического развития России, шедшей по пути создания единого государства и, соответственно, общенационального языка. В конце XVII века перед правительством Петра I стояла сложнейшая многоаспектная задача — ликвидировать экономическую, военно-техническую, научную и культурную отсталость России. Этого требовала железная логика государственного интереса. Перестройка дворянского быта и всей официальной культуры в соответствии с европейскими ценностями носила в петровское время преимущественно принудительный характер. Большинство из заимствованных форм культуры не имело в России развитых аналогов. Их внедрение, освоение и развитие предполагало заимствование и языковых форм выражения. Войти в европейскую систему социально-политических, экономических и художественно-эстетических категорий первоначально возможно было, только преодолев языковой барьер. Обучение западному инженерному, военному делу, врачебному искусству, утверждение новых форм общественного сознания и европеизированных форм жизни были невозможны без практического знания западноевропейских языков. Перед страной стояла двуединая задача: изучение языков и их практическое многоаспектное использование. Ее решение и составляло основу языковой политики России. Без свободного владения иностранными языками (далее ИЯ) нельзя было противостоять иностранным державам в отстаивании российских внешнеполитических и экономических интересов. Именно активная языковая политика позволила русскому правительству провести глобальную ликвидацию экономической, технической и культурной отсталости.

В течение жизни буквально одного поколения произошел радикальный переворот во взглядах на значимость иностранных языков в общественной и частной жизни. Благотворные последствия языковой политики дали возможность уже следующему поколению россиян идентифицировать себя с европейцами. В первом номере английского журнала «Московит», который вышел в 1714 году всего в 5 номерах, издатель Самюэл Бакли так характеризует собирательный образ русского, присланного в Англию царем: «Он [Плеско. — *Авт.*] хорошо владеет языками, и я могу без труда беседовать с ним... теперь он нередко проводит целые дни в моем обществе... при этом мы беседуем о множестве предметов...» [цит. по: 175, с. 25]. За первые два десятилетия XVIII века Италию, Францию, Голландию, Англию посетили

несколько сот россиян, обладавших, разумеется, разными способностями к изучению языков и наук, но всеми ими двигала одна мощная и сложная по своей структуре и динамике мотивация: страх не выполнить царский наказ, самолюбие, желание и нарастающее осознание необходимости учиться.

Новая европеизированная идеология, новая техническая политика, переустройство административной системы, новое предметное содержание жизни благотворно сказались на русском языке. Сближению его конструктивных форм с системами западноевропейских языков и обогащению способствовал перевод, особенно технической, общественно-политической и научно-популярной литературы [131, с. 57]. Неоценима роль и классических, и новых европейских языков в становлении общенаучной и отраслевой терминологии.

В конце XVIII века дипломат граф Сегюр дал следующую характеристику жителям российской столицы, разумеется, ее высшему классу. По его словам, петербуржцы «привыкли подражать иностранцам — одеваться, жить, меблироваться, есть, встречаться и кланяться, вести себя на бале и на обеде, как французы, англичане и немцы. Все что касается до обращения и приличий, было перенято превосходно. Женщины ушли далее мужчин по пути совершенствования. В обществе можно было встретить много нарядных дам, девиц... говоривших на четырех и пяти языках, умевших играть на разных инструментах и знакомых с творениями известнейших романистов Франции, Италии и Англии» [цит. по: 141, с. 5]. Известный дипломат недаром обратил внимание именно на языковую подготовку образованной части петербургского общества. В широком социальном плане владение россиянами ИЯ было первым обязательным признаком образованности.

Санкт-Петербург был местом пребывания царского двора, высшей аристократии, гвардии, иностранцев, обеспечивавших европеизированный стиль жизни столицы. Изначально многонациональный состав населения Петербурга и образованные горожане, использующие ИЯ, создавали среду многоязычия, в которой первыми языками на русскоязычном фоне были немецкий, голландский, французский, английский, итальянский, а в сфере науки — латинский. Так, у Н. И. Новикова в его «Опыте исторического словаря о российских писателях» именно «языковая» характеристика писателей и представителей русской науки являлась по сути главной [67].

Иностранные языки являются важнейшим компонентом инкультурации — процесса усвоения знаний и навыков, необходимых для жизни в другой культуре. Несмотря на это, культуроформирующие функции западноевропейских языков в России никогда не были предметом специального монографического иссле-

дования, хотя культурология в лице ее авторитетного представителя Б. С. Ерасова прямо утверждает, что к сфере культуры относится «владение признанными иностранными языками» [151, с. 14].

Иностранные языки в России в XVIII веке выступали в роли проводников культуры, выполняя следующие функции: адаптивную (приспособление к незнакомой среде), гносеологическую (познавательную), коммуникативную (общения), интегративную (объединение в социальные общности), регулятивную (нормативную), игровую, или развлекательную. В настоящей монографии впервые предпринимается попытка описания некоторой общей картины функционирования западноевропейских языков, определения их культурного пространства, места в иерархии общественного бытия на одном из важных этапов российской истории.

Культурология представляет собой комплекс наук о культуре (философия, история, филология, психология, искусствоведение, педагогика и т. д.), где каждая имеет свой ареал и свой аспект в изучении во многом одних и тех же фактов действительности. В нашем исследовании мы попытались преодолеть «узкую глубину» каждой гуманитарной науки за счет «семиотической широты» предмета исследования. Нас интересует «культурный вес» западноевропейских языков. Взятая в широком культурологическом и социалингвистическом аспектах языковая проблематика способна стать интегративным междисциплинарным полем исследования. Многообразие манифестаций ИЯ в жизни общества является основой для различных способов их культурологической систематизации с выходом на выводы по таким «отраслевым» дисциплинам, как собственно история, историческая психология, историческая культурология, история педагогики и т. д.

Историческая культурология ориентирована на гуманитаризацию и антропологизацию своих методологических установок, на перенесение познавательного акцента с объектов истории на ее субъектов. В этом плане предлагаемая тема является многообещающей. Языковая компетентность личности, виды формальных и неформальных контактов между коллективами и отдельными личностями на разных языках ранее не становились предметом отдельного культурологического исследования.

История бытования западноевропейских языков в русской культуре всегда привлекала внимание филологов. В большинстве случаев их функционирование изучалось либо в контексте изучения истории русского литературного языка (заимствования), либо в свете других частных проблем их функционирования, либо в таких аспектах, как галломания, англomanия, а также в переводческом аспекте.

Вопросы общего, специального и языкового образования в России изучаемого нами периода с разной степенью глубины и детализации освещены в работах М. П. Алексеева, А. Ю. Андреева, В. Д. Аракина, А. В. Арсеньева, Е. Ю. Артемовой, А. С. Архангельского, Н. Н. Ауровой, Н. И. Барбашева, С. А. Белокурова, В. Береловича, В. И. Блинова, А. Г. Брикнера, Ю. В. Васильковой, Ф. Ф. Веселаго, В. В. Виноградова, А. В. Висковатова, Д. К. Вишневого, В. В. Владимирова, П. Н. Воронова, П. А. Галенковского, Ф. В. Грекова, П. Н. Дирина, А. Дунина, С. Ф. Егорова, Д. К. Жанэ, П. В. Знаменского, Е. Ф. Зябловского, В. С. Иконникова, А. С. Князева, В. А. Ковригиной, Н. В. Козловой, В. И. Колосова, Ю. В. Костяшова, Г. В. Кретицина, М. Д. Курмачевой, П. Левицкого, А. П. Лободанова, Н. Л. Ломана, Т. В. Львова, Н. В. Малицкого, И. М. Марисиной, Г. А. Милорадовича, А. М. Михайлова, Н. М. Молевой, Э. М. Белготина, Н. В. Нечаева, П. П. Пекарского, Н. О. Петрова, В. С. Ржеуцкого, А. И. Рогова, С. В. Рождественского, Ю. В. Рождественского, Г. И. Смагиной, В. Смирнова, С. К. Смирнова, А. И. Соболевского, А. Е. Сукновалова, П. Н. Столпянского, Н. В. Сушкова, М. В. Сычева-Михайлова, А. Г. Тимофеева, Д. А. Толстого, М. Ш. Файнштейн, М. Ш. Фандербек, Н. Д. Чечулина, А. В. Чудинова, С. П. Шевырева и др.

Факты использования ИЯ в системе гражданского и военного делопроизводства, в науке, медицине, торговле и мануфактурном производстве, сфере развлечений, а также частные вопросы языковой политики мы почерпнули в работах М. А. Алпатова, М. М. Богословского, И. А. Быховского, А. В. Гаврилова, В. Г. Гака, И. Э. Грабаря, А. И. Заозерского, В. А. Ковригиной, Н. В. Козловой, Ю. Х. Копелевич, А. Кроткова, М. В. Ломоносова, Е. Н. Марасиновой, Н. Н. Молчанова, Г. Писаревского, К. А. Писаренко, В. Г. Рябцева, Л. Н. Семеновой, С. М. Соловьева, С. М. Троицкого, С. Л. Туриловой, В. А. Ульяницкого, В. И. Федорченко, А. И. Ходнева, И. А. Чистович, Д. Шамрая и др.

В осмыслении проблем взаимоотношений русской и западноевропейских культур в социологическом и философском аспектах, которые прямо или косвенно относятся к рассматриваемой нами проблеме, мы опирались на работы П. М. Бицилли, Р. Ю. Данилевского, В. К. Кантора, А. Л. Лаппо-Данилевского, П. Н. Милюкова, В. Щукина и др. Впрочем, уже во второй половине XVIII века оценку влияния западноевропейской культуры на русскую, в частности языковые аспекты, давали Д. И. Фонвизин, Я. Б. Княжнин, И. П. Елагин, А. П. Сумароков, П. А. Плавильщиков, А. Г. Карин, Ф. Н. Глинка и др. Данные оценки носили именно культуроведческий характер. В русской драматургии, художественной литературе и публицистике XVIII века

критике подвергалось не собственно знание ИЯ, а «спровоцированная» этим знанием потеря эмоциональной связи с родиной. Какие бы критические замечания ни раздавались в течение трех столетий в адрес гувернеров-иностранцев (многие из них справедливы), надо отдать им должное в главном: они смогли дать своим многочисленным воспитанникам светское европейское образование, приобщить их к европейской культуре, к европейской системе ценностей.

Много интересных и важных для нас фактов удалось почерпнуть из литературоведческих и культуроведческих работ М. П. Алексеева, Г. А. Гуковского, Р. Ю. Данилевского, П. Р. Заборова, Ю. М. Лотмана, А. Н. Пыпина, В. П. Семенникова, И. З. Серман, М. Н. Туманова, А. В. Федорова, П. И. Хотеева и др.

В разработке вопроса об использовании ИЯ в русской театральной жизни большую помощь оказали работы В. Н. Всеволодского-Гернгросса, Н. В. Дризен, Н. А. Елизаровой, О. Э. Чаяновой, С. Щегловой.

До сих пор проблема комплексного культурологического изучения места, роли и значения западноевропейских языков в России XVIII века не становилась предметом специального исследования. Культурологическая история функционирования западноевропейских языков в России, их влияние на состояние и развитие русскоязычной культурной почвы относятся к числу наименее исследованных аспектов российской культуры. Как уже было сказано, многие проблемы функционирования ИЯ рассматривались не сами по себе, а с точки зрения примыкающих к социолингвистике научных областей знания: истории педагогики, языкознания, истории лингводидактики, истории русского литературного языка, истории придворной культуры, галломании, англomanии и др. Недостаточность интересующих нас исследований объясняется тем, что для исторической науки собственно языковая проблематика никогда не представляла самостоятельного научного интереса. Чистый историк, исключая, разумеется, источниковедческий аспект, всегда смотрит сквозь призму языка на события, стоящие за текстом. С другой стороны, ИЯ как факт общественной жизни недостаточно исследованы в своих культурологических функциях. В основание нашего подхода к проблеме мы ставим методологическую установку, сформулированную П. М. Бицилли: «...очень полезно подвергать пересмотру наши привычные исторические понятия для того, чтобы при пользовании ими не впадать в заблуждения, порождаемые склонностью нашего ума приписывать своим понятиям абсолютное значение. Необходимо помнить, что правильность или ложность... научных понятий, зависит от избранной точки зрения, что степень их соответствия действительности может быть

большой или меньшей, смотря по тому, к какому историческому моменту мы их применяем, что их содержание постоянно... меняется» [11, с. 22]. Весь объем иноязычной «речевой продукции» в исполнении образованных россиян и иностранцев, служивших в России, абсолютно разнится с данными тех псевдо-реалистических картинок, которые предоставляют нам такие виды искусства, как художественная литература и кинематограф. Пытаясь образно осветить исторический факт, искусство невольно, а может быть, и вольно, скрывает «речевую оболочку» многих типичных и конкретных фактов, например заседания членов конференции Петербургской академии наук, приемы и балы при дворе, совет в Филях. В художественных исторических фильмах речевая подмена является общим местом, она не считается искажением фактов, но с научной точки зрения искажение исторической правды начинается именно с подмены «речевой ткани» события. Судить объективно о фактах той эпохи без учета их «речевой оболочки» ошибочно.

Хронологически наше исследование ограничивается XVIII веком. Это объясняется тем, что именно данное столетие было периодом информационного взрыва, временем самого широкого распространения иностранных языков в разных сферах общения в письменной и устной формах. Для сравнения обратимся к XVII веку. В его начале и середине высшим проявлением образования (в языковой форме) было (типичный вариант) знание греческого, латинского, старославянского и польского языков. Образование в России XVII века носило исключительно религиозный характер. Именно поэтому допетровская действительность не позволяет говорить о появлении личности европейского типа, о светской интеллигенции, о русском европеизме. Эти и другие подобные вопросы связаны с веком XVIII, прежде всего с его началом, когда многовековое религиозно-аскетическое мировоззрение в течение жизни практически одного поколения людей сменилось рационалистическим. Впрочем, мы не имеем права полностью отделять XVIII век от XVII, когда зародился и постепенно формировался интерес к европейской культуре. Утверждение в русской культуре европейских элементов началось прежде всего с отказа от политики изоляционизма и национальной замкнутости. И. Грабарь в этой связи отмечает: «К концу XVII века на Москве и на Украине властно утвердился стиль западного барокко. Ни одной из заморских новинок не чуралась Москва. Здесь были к тому времени бояре, любившие окружать себя произведениями европейского искусства и наладившие жизнь совсем на западный вкус» [142, с. 5]. Итак, вокруг россиянина уже во второй половине XVII века стал постепенно меняться вещный мир. Еще до Великого посольства в России трудились и служили сотни иностранцев, которые об-

щались между собой на родном или общих для Европы французском, немецком и латинском языках. Постоянный количественный рост иноземцев в России и систематические выезды русских в Европу в течение всего XVIII века с деловыми целями относительно быстро изменили языковую ситуацию внутри страны.

Условно нижняя хронологическая рамка нашего исследования определяется Великим посольством конца XVII века. Верхняя временная граница представляется более размытой, отсутствуют четкие социолингвистические критерии ее выделения, поэтому мы некоторым образом искусственно определили ее временем войны Наполеона с Россией. Приблизительно об этом периоде говорил Н. М. Карамзин: «Жалобы бесполезны. Связь между умами древних и новейших россиян прервалась навеки. Мы не хотим подражать иноземцам, но пишем как они пишут, ибо живем как они живут; читаем что они читают, имеем те же образцы ума и вкуса» [47, т. 9, с. 314—315].

Целью работы являются изучение культурогенеза такого явления, как иностранные языки в России, определение их новационных форм и ценностных характеристик, описание культурологических функций западноевропейских языков (немецкого, голландского, французского, итальянского, английского) в контексте русского культурно-исторического процесса XVIII века. Соответственно под европеизацией Русского государства мы понимаем именно западноевропейское влияние на Россию. Поставленная цель предполагает решение следующих конкретных задач.

1. Классифицировать ИЯ по сферам использования, определить в структуре общественно-речевой практики того периода их официальный и неофициальный статус по отношению к русскому языку.

2. Охарактеризовать общие и дифференциальные функции ИЯ.

3. Описать многоязычие как дифференциальный признак российской общественно-языковой практики XVIII века.

4. Дать жанровый анализ тех устных и письменных форм речи, в которых реализовывалась иноязычная компетенция россиян.

5. Выявить факты внутренней языковой политики, связанные с использованием ИЯ в деятельности различных государственных органов.

6. Персонифицировать по возможности факты манифестации западноевропейских языков в разных сферах общественной и частной жизни образованных россиян.

Итак, иностранные языки в русской культуре XVIII века есть суммарное понятие, которое необходимо расчленить на устные и письменные речевые жанры и описать по сферам применения, степени их использования (сравнительно с русским языком

и между собой) и хронологическим отрезкам (изменение функций ИЯ в разные исторические периоды).

На первый взгляд вопрос о культууроформирующих функциях иностранных, уже — западноевропейских, языков в русской культуре XVIII века может показаться надуманным. Слишком тонка предметная ткань исследования, которое обязывает нас удержаться, во всяком случае пытаться, в рамках фиксации культурологических функций: научной, образовательной, управленческой, эпидейктической. Систематическое описание этих функций и жанровых форм, в которых они реализовывались, способно, на наш взгляд, уточнить представление о месте и роли ИЯ в русской культуре. Концентрация внимания именно на сферах функционирования ИЯ и жанровых формах иноязычной словесности обязывает нас фиксировать их как можно в более детальном виде. В статистическом плане эта попытка представляется трудновыполнимой, так как предполагает глубокое изучение архивных источников. Однако систематизация даже опубликованных данных, разбросанных во многих сотнях исследований, касающихся разных сфер экономической, общественно-политической и культурной жизни России, дает возможность через часть увидеть целое. Полученные результаты позволят точнее определить социолингвистическую структуру самого российского общества.

Предпринимаемый анализ культууроформирующих функций ИЯ в России XVIII века требует определенных концептуальных ограничений. За пределами нашего исследования остаются степень нормированности западноевропейских языков в России в указанный период, взаимоотношение литературного языка и его диалектов, литературного и обиходно-разговорного стиля. Мы оставляем в стороне вопросы региональной языковой интерференции, которая могла придать, например, французскому языку «нижегородскую» окраску, и исходим из того, что официальная русская культура стремилась использовать западноевропейские языки в их литературной форме, единственно возможной для выполнения ими гносеологической, образовательной и управленческой функций.

Мы не рассматриваем специально проблемы англomanии, галломании, славянофильства и т. п., которые как бы напрашиваются самой постановкой вопроса. Мы придерживаемся точки зрения В. Щукина, согласно которой западничество выражалось «не в презрении к России, а в отрицании ее отсталости и патриархальности: оно было во многом утопической и, вне всякого сомнения, оптимистической верой в будущее русского народа» [247, с. 125]. Мы не анализируем специально издания на западноевропейских языках и будем касаться их лишь в той мере, в какой они помогут решению поставленной задачи.

Нас интересуют вопросы сознательного культивирования западноевропейских языков в России. Несомненно, что владение многими элементами европейской культуры, в частности ИЯ, влияло на рост самосознания россиян, формировало чувства духовной независимости, личной ответственности. Но вот меняло ли знание и использование ИЯ национальную структуру души? Частично мы попытаемся ответить на этот вопрос. Известный просветитель Н. И. Новиков говорил: «...не все еще у нас, слава Богу, заражены Франциею; но есть много и таких, которые с великим любопытством читать будут описания некоторых обрядов в сожитии предков наших употреблявшихся... Напоенные сенским [Сена. — *Авт.*] воздухом сограждане наши станут может быть пересмежать суеверие и простоту, или по их глупость наших прапрадедов: но одни ли Россияне подвержены были суеверию? — Пусть припомнят господа наши полуфранцузы день святого Варфоломея... К тебе обращаюсь я, любитель Российских древностей... не взирай на молодых кощунов, ненавидящих свое Отечество...» [35, ч. 1, с. V—VI].

Того, кто изучает историю архитектуры, скульптуры, живописи, музыки, военного дела в России, редко всерьез интересуют такие, казалось бы, частные вопросы, как степень владения иностранным художником, музыкантом, военным или инженером, прибывшим в Россию, западноевропейскими языками, и факты реализации их в профессиональной деятельности и быту. В таких случаях исследователь смотрит сквозь призму «речевой деятельности» специалиста на его деятельность профессиональную. Нас же интересует именно «речевая деятельность» любого иностранного специалиста, которая как факт его речевой культуры становится основной. Итак, культурологическая точка зрения предполагает изучение культурной составляющей пребывания иностранцев в России независимо от их специальности, общей и частной эрудиции, языковой компетенции, которую они в разных видах проявляли, привнося в наш придворный, научный, военный, управленческий, официальный и неофициальный быт европейские формы и стиль общения.

Многие факты речи того времени не поддаются точному описанию и объяснению в связи с тем, что ушла в небытие «речевая действительность» эпохи. В этом случае для исторической культурологии важны не только прямые факты, но и косвенные данные, которые позволяют делать близкие к истинным умозаключения. Например, изучая вопрос о владении образованными россиянами ИЯ, необходимо дать культурологический анализ такого типичного для России XVIII века явления, как поездки за границу. Классификация поводов выездов россиян за рубеж (официальная командировка, путешествие, учеба, лечение и т. д.), а также причин пребывания в России иностранцев дает исследова-

телю возможность сделать определенные выводы о степени владения россиянами ИЯ.

В качестве основной культурологической единицы описания материала мы выдвигаем концепт «иностраный язык». Предлагаемое имя концепта было четко осмыслено языковым сознанием образованных россиян той эпохи. Его лингвокультурное понимание предполагает фиксацию характеризующих данное явление ментальных фактов эпохи и переживаемых в связи с этим их носителями ассоциаций.

Рабочими понятиями являются: «коммуникативная функция», «культуроформирующая функция языка», «языковая ситуация», «языковая политика», «официальный и неофициальный статус языка», «речевой жанр», «комбинаторика языков», «выбор языка», «устная и письменная форма языка», «языковая и жанровая компетентность», «речевое поведение», «речевая стихия», «речевой коллектив».

Источниковедческий этап любого научного исследования является основополагающим для получения объективных выводов. Поставленные цели исследования потребовали привлечь широкий круг источников, характеризующих разные аспекты политической, хозяйственной, военной, научной, учебной, дипломатической жизни России того периода. Привлекаемые нами источники можно разбить на несколько групп:

1. *Законодательные документы эпохи, представленные именными, сенатскими, синодскими и другими указами.*

2. *Регламенты и уставы различных государственных учреждений и учебных заведений.*

3. *Административно-распорядительные документы, составляющие деловую переписку.*

4. *Частная переписка и мемуарная литература эпохи.* В мемуарной литературе можно встретить прямые указания на язык, на котором велась светская (официальная или неофициальная) или научная беседа, хотя чаще всего для авторов записок важным является не упоминание о языке, а сама тема беседы. В аристократических, придворных и научных кругах переход с немецкого на французский, с французского на русский и вновь на немецкий или французский, а также любая их комбинаторика с латинским языком были таким обыденным фактом, что мемуарист далеко не всегда чувствовал необходимость фиксировать эти переходы, если, конечно, темой разговора не становился сам язык. Мы придерживаемся мнения Е. Н. Марасиновой о том, что для определенных видов социально-психологических исследований использование источников «личного происхождения» является наиболее перспективным [182, с. 4]. При анализе мемуарной литературы важно учитывать временную отдаленность написания источников от описываемого периода.

Н. Греч писал свои записки в преклонном возрасте и, разумеется, не мог быть точным в хронологическом и фактическом изложении событий. Как пишет сам Н. Греч: «...возобновляю на 62-ом году жизни безуспешно начатое на 34-ом» [25, с. 5]. Другим запоминаются детали. Так, Ф. Ф. Вигель в своих записках подчеркивал: «Все окружавшее меня сильно возбуждало во мне внимание и любопытство, все врезывалось мне в память и все в ней сохранилось» [16, кн. 1, с. 6]. В своем исследовании мы используем воспоминания и записки русских современников XVIII века: Б. Х. Миниха, Э. Миниха, А. Т. Болотова, И. М. Долгорукова, Е. Ф. Комаровского, Р. М. Цебрикова, С. Н. Глинки, П. И. Полетики, Ф. Н. Голицына, В. Н. Головиной, А. Е. Лабзиной, А. М. Грибовского, Г. Р. Державина, С. А. Порошина, Ф. Ф. Вигеля, В. Н. Зиновьева, П. В. Чичагова, графов Воронцовых и др.

Особую часть мемуарной литературы представляют записки иностранцев, побывавших в России. Их интересовал любой факт, который прямо или косвенно свидетельствовал о культурных достижениях страны, в частности о степени образованности россиян. Первым мерилom образованности в то время было знание иностранных языков. В своих записках иноземцы (путешественники, дипломаты, ученые) проявляли интерес прежде всего к быту русских, привычкам, манере общаться, т. е. к их языковой компетенции. Записки К. де Бруина, И. Корба, Ф. Х. Вебера, Юста Юля, Ф.-В. Берхгольца, Г.-Ф. Бассевича, Дука де Лирия, леди Рондо, де ля Мессельера, лорда Мальмсбюри, У. Кокса, М.-Д. Корберона, Х. Г. Манштейна, Л.-Ф. Сегюра, Тесби де Белькура, Ш. Массона, г-жи Виже-Лебрен, аббата Жоржеля и др. являются ценнейшим источником по исследуемой нами проблеме.

Довольно часто впечатление, полученное иностранцем от общения с ~~образованным~~ россиянином, вступало в противоречие со сложившимся в его сознании еще до приезда в Россию стереотипом, чаще всего негативного характера. Пропущенные сквозь призму субъективного наблюдения, эти оценки российской действительности, разумеется, не могли быть полностью объективными. Эмоции и личное отношение так или иначе проявляются в их записках. Однако нас интересуют в первую очередь не эмоции и личные пристрастия, а те оценки, которые иностранец вряд ли стал бы выдумывать, особенно в тех случаях, когда они носили позитивный для России характер.

5. *Походный, путевой и камер-фурьерский журнал*, ежедневно, с разной степенью подробности фиксировавший официальную и частную жизнь российских императоров. До 1775 года он выходил под следующими заглавиями: «Походный и путевой журнал Петра I», «Походный журнал», «Журнал камер-фурь-